

ПОСМОТРИ, КАК ОН СВЕРКАЕТ...

Рассказ

1

И снова она появилась, девочка в светло-розовом платье, а по розовому — красный горошек. У девочки две косички с бантами. Банты тоже красные, а один, правый, развязался и свисает двумя лентами. Сейчас девочка подойдет к нему, к Игорю, достанет из кармана кусочек, осколок мрамора, поднесет его к глазу (другой глаз прищурен!), станет смотреть вверх этого кусочка на солнце и скажет:

— Посмотри, как он сверкает.

А это ведь его мрамор, он выменял его у Петьки из соседнего дома на кожицу для рогатки. А потом сам же и отдал девочке, когда она плакала на скамейке в парке. Отдал с теми же словами:

— Посмотри, как он сверкает.

Много лет назад.

Девочка сидела на скамейке и плакала. Игорю бросились тогда в глаза ее светлые, почти белые косички и ссадины на коленках. Он подсел к ней, что-то говорил, пытался успокоить — девочка не реагировала. Тогда-то он и достал из кармана этот кусочек мрамора, поднес его к глазу и, прищурив другой, посмотрел на солнце и сказал:

— Посмотри, как он сверкает.

Девочка перестала плакать, взяла этот кусочек в руки. Некоторое время она пристально всматривалась в него. И вдруг будто очнулась, что-то нехорошее, больное пробежало по ее лицу. Девочка размахнулась, словно собиралась бросить кусок мрамора, но сунула его в карман и быстро убежала. А Игорь расстроился. Если честно, ему было немного жаль того кусочка мрамора, который действительно красиво сверкал, если посмотреть вверх него на солнце. Что ни говори, Петька дал ему хорошую вещь. Петька неохотно расстался со своим сокровищем, а, может, только сделал вид. Он был тертый калач, этот Петька. Невзирая на запрет родителей, бегал неизвестно где по незнакомому еще городу, возвращался с карманами, набитыми всякими нуж-

Александр Борисович Жданов — поэт, прозаик, художник, историк искусства. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Родился в Баку. По окончании средней школы работал, служил в армии. Окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавал в школе, работал в газете, где прошел все этапы: корреспондент, заведующий отделом, ответственный секретарь, главный редактор. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», в альманахах «Российский колокол», «Литера К». Автор трех сборников стихов, трех книг прозы, альбома живописи и графики и трех учебных пособий по истории изобразительного искусства. Призер Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман-2018». С 1989 года живет и работает в Калининградской области.

ными вещами. И всегда выгодно обменивал их. Вот у него-то и выменял Игорь кусочек мрамора. Кожицу для рогатки отдал — вещь тоже ценную. Он собирался спрятать мрамор в свою заветную коробочку, но что поделаешь — упустил так упустил. А белобрысая девчонка с развязавшимся бантом и ссадинами на коленках запомнилась, и почему-то хотелось снова увидеть ее. Да где же найдешь девчонку в большом, к тому же чужом и незнакомом городе?! Это ведь не тот поселок — полугород-полу-деревня — в Брянской области, откуда они приехали недавно. Приехали в Восточную Пруссию, как сказал папа. Игорю были в диковину непривычные, изломанными радиусами расходящиеся улицы, красные кирпичные здания, одни из которых были мрачными и тяжелыми, а другие легко устремлялись ввысь. А развалины старого замка и других зданий, оставленные английской авиацией, немного пугали. Пугали и в то же время притягивали. То есть мальчишеское любопытство влекло побродить в них, залезть глубже, однако он опасался, что может легко заблудиться, и поэтому поначалу далеко от дома и школы не отходил, но однажды решился.

Вот тогда-то Игорь снова увидел ту девочку. Она шла с матерью, и они о чем-то говорили, но о чем, было непонятно: ветер относил их слова. Игорь пошел быстрее, чтобы догнать и, может быть, заговорить. Он уже почти совсем приблизился, когда услышал первую долетевшую до него фразу и остановился как вкопанный. Девочка говорила по-немецки, по-немецки отвечала ей мать. Только сейчас Игорь сообразил, что шла девочка с матерью от немецкой школы, которые стали открываться здесь после войны наряду со школами русскими. Девочка оказалась немкой! Игоря это потрясло, хотя чему было удивляться: край-то немецкий, прусский и лишь недавно стал нашим. Но от долетевшей до него немецкой речи Игорь сжался, развернулся и побежал назад. Ему казалось, что он снова в своем поселке, что сейчас его остановит комендант в форме мышиного цвета, приподнимет подбородок мальчика стеклом и начнет говорить своим лающим голосом. А потом скажет по-русски, так же отрывисто, лающе, словно вбивая каждое слово Игорю в голову:

— Кароши русски малшик надо штудирен дойч!

Скажет, захохочет, возьмет стек под мышку и пойдет, всей походкой своей выражая презрение к мальчику, его родным, всем жителям поселка, самому поселку и всей этой России. Отрывистые немецкие фразы, лающий голос коменданта слились в сознании мальчика воедино. Игорь Семенович и позже, даже в старости, так и не смог спокойно слышать немецкую речь. Сейчас ему восемьдесят. Значит, около семидесяти лет прошло с тех пор, когда он бежал, опасаясь вновь встретить ненавистного коменданта, и когда ему было очень жаль того кусочка мрамора, который он так опрометчиво отдал немецкой девчонке.

2

Игорь Семенович прикрыл глаза. Девочка стояла вдалеке и не подходила. А Игорь Семенович так и сидел с прикрытыми глазами. Он знал, что, когда он их откроет, девочки уже не будет. А этого он не хотел. Но не хотел и того, чтобы девочка подошла и заговорила. Ведь он не хотел слышать никаких немецких слов, а по-русски девочка могла сказать разве только, что мрамор красиво сверкает на солнце. Да и то, если запомнила эти слова

Вся школа готовилась встретить Первомай, второй послевоенный Первомай. Еще за неделю до этого директор школы Вера Юрьевна ходила из класса в класс и возбужденно говорила о том, что предстоит ребятам поучаствовать в важном мероприятии.

— Первого мая будет демонстрация, в которой выпала честь участвовать и нашей школе. Но право участвовать в демонстрации ученики должны еще заслужить. И нам

надо подготовиться к нашему пролетарскому празднику, достойно встретить его. Встретить ударным трудом. Вы ученики и, конечно, многого сделать еще не сможете, но что-то вам по силам. Мы пойдем на субботник, на особенный субботник, — таинственно сообщала она. — Мы встретим наш пролетарский праздник солидарности трудящихся своим вкладом в классовую борьбу. Вы же хотите пойти со школой на демонстрацию? Но туда мы возьмем только самых стойких пионеров.

Субботник был назначен на двадцать девятое апреля. Накануне директор вошла в класс Игоря. На ней было синее платье с маленьким белым воротничком. Он казался слишком маленьким для высокой, крупной Веры Юрьевны. И голос — тонкий и визгливый — не подходил ко всей ее фигуре. И снова говорила она о предстоящем празднике и о том, что все должны проявить солидарность. Она не уточняла, с кем должна быть эта солидарность — просто солидарность:

— Мы проявим солидарность, мы выйдем как один, — говорила она, — и внесем свой вклад! Мы будем бороться до конца!

Говорила Вера Юрьевна, все больше возбуждаясь, помогая себе взмахами кулака. И при этом притоптывала левой ногой. Взмахнет кулаком — притопнет, взмахнет — притопнет. Игорь насчитал восемь взмахов и притопов. И при каждом притопа ее рыхлая левая щека тряслась, как овсяный кисель, который мама заставляла Игоря есть, говоря, что он очень полезный, а Игорь терпеть его не мог.

В назначенный день все собрались в школьном дворе за полчаса до выхода. Старшим на предстоящий субботник директор назначила Михаила Кирилловича. Он вел у мальчиков уроки труда начиная с пятого класса. Мальчишки из начальной школы его побаивались. Трудовик говорил очень громко, почти кричал. Не знали ученики, что на фронте попал он под мощный артобстрел, был ранен и немного контужен, долго провалялся в госпитале. Именно с тех пор слышал Михаил Кириллович не очень хорошо, и с тех пор осталась у него привычка говорить громко. Громко настолько, что любое замечание, сделанное Михаилом Кирилловичем любому ученику, другими учениками воспринималось как выволочка. Поэтому когда в длинном школьном коридоре раздавался громкий голос трудовика, Игорь съезживался и старался из класса не выходить. Ему казалось, что, заметив его, Игоря, учитель перенесет свой гнев и на него. К тому же трудовик сильно хромал, прямо-таки волочил за собой ногу и при этом стучал палкой, на которую опирался. Громкий голос, стук трости, хромота соединялись и очень пугали учеников начальной школы. Зато мальчишки из средних и старших классов знали, какой это был веселый и добрый человек, как интересно было у него на уроках, а особенно в кружках выпиливания лобзиком и автомобильном. Ребята постарше называли его между собой Кирилкиным, но беззлобно и очень любили учителя, который после войны пошел работать в школу, учить нужному ремеслу не имевших нормального детства мальчишек, хотя мог бы найти место и получше, потому что был хорошим механиком.

К порученному делу Михаил Кириллович привык относиться ответственно. Он построил ребят, пересчитал их, сделал переключку и спросил у Веры Юрьевны:

— Какие инструменты выдавать? Лопаты? Метлы?

— Нет, выдайте сегодня молотки.

— Молотки? Так не хватит на всех. Сколько уж раз просил достать. А гвозди не понадобятся? Гвоздей у нас тоже мало.

Михаил Кириллович исполнял еще и обязанности завхоза и хорошо знал, что есть в школе и чего не хватает.

— Нет, гвозди сегодня не понадобятся, — сказала Вера Юрьевна, — а вот ломики прихватите. Постройте ребят в колонну.

Когда все встали в колонну по три, директор еще раз оглядела строй и осталась недовольна:

— А где пионерское наше знамя? Где барабан и горны? Сейчас же принести! Не на прогулку идем!

Когда все было сделано, Вера Юрьевна махнула рукой, затрещал барабан, и школьный отряд двинулся вперед. Игорь любил такие шествия. Ему становилось радостно от того, что он часть этого общего строя, что идет в ногу с товарищами, что барабан отбивает ритм, а впереди развеивается знамя.

Наконец они пришли. Поначалу все ребята приняли это место за парк — так было здесь тихо, уютно, хотя немного смущали какие-то низенькие скульптуры и кресты. Позже стало ясно, что привели их на кладбище, правда, очень старое и действительно соединявшееся с парком. Но оно было так не похоже на кладбище у них в поселке, на которое его, совсем маленького, брала с собой бабушка. Здесь не было высоких деревянных крестов — только маленькие вертикальные каменные плиты с какими-то надписями и редкие, тоже небольшие, скульптуры. Некоторые были обломаны, и рядом с ними белели кусочки мрамора и гранита. Впрочем, директор привела ребят именно со стороны парка, поэтому на надгробия внимание обратили не сразу. Но Игорь почувствовал, что произойдет здесь что-то необычное. А Вера Юрьевна вдруг приказала всем остановиться и показала на мраморную скульптуру, стоящую на границе парка и кладбища. Это была даже не скульптура, а стела с барельефом, в котором угадывался какой-то рыцарь. Мальчишкам он сразу понравился. Но Вера Юрьевна спросила:

— Что вы видите?

— Скульптуру... Памятник, — нестройно отвечали ребята.

— Нет, это не просто скульптура, не просто памятник, — продолжала директор, и голос ее становился все громче и тверже. — Это памятник милитаризму и империализму, которые веками угнетали трудящихся всего мира. А мы уничтожим этот чуждый нам символ! Мы разобьем его! На кусочки! Командуйте, Михаил Кириллович!

Учитель труда стоял, недоуменно переводя взгляд с директора на детей и обратно.

— Ну, что же вы?! — нервно спросила она и тут же произнесла громко и торжественно: — Право первого удара предоставляется фронтовику, орденосцу, нашему Михаилу Кирилловичу.

Михаил Кириллович молчал и не двигался с места.

— Ну, же! — торопила его директор.

Держа ломик в одной руке, учитель подошел к статуе, но не ударил.

— Эх, придется мне, женщине, — произнесла Вера Юрьевна и, взяв из рук трудовика ломик, сильно ударила в основание стелы. По мрамору пошла трещина. Тогда она ударила еще раз — и в разные стороны полетели мельчайшие осколки, крошки мрамора.

— Ну, кто мне поможет?! Егоров! Амельченко! — вызвала она самых робких и застенчивых друзей Игоря. — Покажите всем, что вы настоящие мальчишки и что вы умеете сражаться с фашистами.

Юра Амельченко подошел к скульптуре, робко улыбаясь, и пока нерешительно взял из рук директора ломик. Но внезапно робкая улыбка исчезла с лица мальчика. Игорю показалась, что улыбка эта стала другой. Игорь не знал, каким словом определить ее, но хорошо помнил такую улыбку. Так улыбался раз мальчик у них во дворе. Самый маленький и затырканый мальчик. Над ним все смеялись, его часто били, а однажды решили поиздеваться. Поймали где-то лягушку, протянули мальчишке и сказали, мол, докажи, что ты парень, что не трус, возьми лягушку за лапки и с размаху стукни о камень. Мальчику было жаль лягушку, но он послушно взял ее за лапки,

зажмурился, размахнулся... Из сомкнутого рта лягушки выступили капельки крови, лягушка дернулась несколько раз и повисла в вытянутой руке мальчика. А когда он раскрыл глаза, на его лице была неприятная кривая улыбка. Вот так же криво улыбался сейчас Юра. Неумело размахнувшись, он ударил молотком по ступне мраморного рыцаря.

— Молодец! — похвалила его Вера Юрьевна. — А теперь еще раз и сильнее!

Мальчик ударил увереннее. Другие ребята один за другим вливались в процесс. Они подбадривали себя громкими выкриками:

— Получай, фашистская гадина! Будешь у нас мелкими кусочками валяться!

Подгоняемый всеобщим возбуждением, Игорь взобрался на невысокий постамент. Там оставался еще большой кусок от бывшей стелы. Мальчик размахнулся и изо всех сил ударил по мрамору — сноп мраморных крошек разлетелся, сверкая на солнце. Это еще больше воодушевило Игоря, и он принялся яростнее орудовать молотком. С каждым ударом он чувствовал прилив сил, чувствовал, как все его нутро наполняется злым, бесшабашным удалством. Сейчас ему не было жаль ни этого поверженного мраморного рыцаря, ни мявшегoся минуту назад Юрки, ни плакавшей в парке немецкой девчонки — вообще никого. Ему казалось, что сейчас он стал смелым и решительным. Он ловко спрыгнул с постамента, огляделся кругом. Земля вокруг была усеяна белыми осколками. Игорь поднял самый крупный из них и положил в карман. Взамен того, что отдал тогда девочке.

— Ну, как? — обратилась к Михаилу Кирилловичу директор. — Хорошо же работает! С огоньком! А вы что-то сплеховали.

— Зачем это вы? — спросил трудовик.

— Что «зачем»? — не поняла директор.

— К чему это крушение?

— Ах, вот вы о чем. Что-то я вас не пойму. Вы же фронтовик. Вам следовало бы быть решительнее, пример подать.

— Пример чего? Я не с камнями воевал, — эти слова Михаил Кириллович неожиданно для себя произнес тихо и почти сдавленно.

— Что, фашистскую статую пожалели? — стальным голосом спросила Вера Юрьевна. — Немедленно включайтесь в работу. Это приказ. А потом мы с вами серьезно поговорим.

Михаил Кириллович не понял, что произошло, но почувствовал, как ему становится страшно. То был особенный страх. На фронте под обстрелом, когда вокруг рвались вражеские мины, ему и его товарищам не раз приходилось вжиматься в землю. Тогда им было страшно. Было страшно подняться под огнем, бежать в атаку, но они тот страх преодолевали. Они знали, чего именно они боятся, и гнали этот страх прочь. Сейчас же страх был иной, непонятный, липкий. Михаил Кириллович никогда не смог бы объяснить, почему весь его позвоночник внезапно сковал могильный холод. И от этой неясности страх становился еще сильнее. Послушно взяв в руки лом, учитель подошел к валявшимся на земле остаткам статуи и ударил. В этом уже не было никакого смысла — стелу уже разрушили, но он ударил еще раз. И еще. Бил острее-нело, а в душе зияла пустота.

— Ну, молодцы! Закончили работу! — хлопнув в ладоши, закричала Вера Юрьевна.

Ребята огляделись вокруг. Игорь возбужденно дышал. Потом нагнулся, поднял с земли еще один кусочек мрамора, посмотрел, как тот сверкает на солнце, и отбросил в сторону.

В школу возвращались строем и под барабанный бой.

3

Дома Игорь с трудом дождался родителей с работы, очень ему хотелось рассказать, как они работали, хотелось достать из кармана свой красивый кусочек мрамора и показать, как он сверкает на солнце. Но родители почему-то совсем не обрадовались. Выслушав его рассказ, мама ахнула и выбежала на кухню, а папа сначала долго ходил по комнате, не говоря ни слова, а потом подошел к сыну, посмотрел ему прямо в глаза и сказал негромко, но так, что Игорь запомнил на всю жизнь:

— Я хочу, чтобы ты понял: не все, что делают взрослые, хорошо и правильно. А теперь садись, готовь уроки.

Игорь послушно поплелся к своему столу. Ах, какой замечательный стол был у него! Многим его товарищам приходилось ждать, пока дома все пообедают, пока уберут со стола, протрут клеенку, и лишь тогда располагались они за общим столом со своими тетрадками, учебниками и чернильницами. А у Игоря был стол. Можно было, конечно, говорить, что достался он от прежних жильцов, но это было бы половиной правды. Тот стол был хоть и красив, но наполовину разломан. Отец отремонтировал его. Сначала полностью разобрал, добавил недостающие ножки, починил столешницу, мама выделила невесть откуда оказавшийся в старых узлах кусок дерматина, и получился письменный стол: ровный, гладкий, нешаткий. За ним-то и расположился Игорь. Но готовить уроки не получалось. Сначала он привычно взялся за арифметику, пытался решить задачку. Задача была совсем несложной: в классе он решал такие раньше других учеников. Но сейчас едущие навстречу друг другу поезда никак не хотели встречаться, а в голове все сидели слова отца. Как же это получается? Учителя могут говорить неправду и поступать неправильно? Так кто же в таком случае не прав — директор или Михаил Кириллович? Еще утром ему все было ясно и понятно, а сейчас Игорь не знал, что и думать. Он даже злился на отца, который сказал эту не совсем понятную фразу, но не разъяснил ничего, злился, что слова отца разрушили то, что было еще недавно ясно и понятно. Мысли сейчас путались, перескакивали с одной на другую, и поэтому, когда мать позвала его, Игорь обрадовался. Он был готов выполнить сейчас любое поручение — вынести мусор, наколоть щепок, чтобы растопить титан, даже чистить картошку — только бы не думать, хорошо или плохо они поступили сегодня. Но мама позвала не работать, а пить чай. Со всеми этими переживаниями Игорь чуть не забыл о предстоящем празднике, а к Первомаю мама всегда готовила что-нибудь вкусненькое. Сегодня она напекла свои особенные плюшки. В честь праздника папа получил на работе дополнительный паек — немного муки, и мама устроила праздник.

Они сидели за столом, пили чай с мамиными плюшками. Как Игорь любил такие вечера! Мама часто пела, а папа рассказывал разные истории. Он знал их невероятное количество. Но никогда не рассказывал он о войне, разве что о каких-нибудь забавных случаях. И сейчас мальчик только приготовился слушать мамино пение, как с улицы прилетели страшные крики и звон разбитого стекла. Вместе с родителями Игорь выглянул из окна. По двору носился разъяренный и пьяный Михаил Кириллович, который жил в этом же дворе на первом этаже в комнате квартиры, выделенной учителям. Он только что запустил табуреткой в свое же окно — стекло разбилось. Этот звон и поднял их из-за стола. Жена бегала за ним, хватала за руки и пыталась загнать домой, он вырывался и все выкрикивал что-то. Игорь не мог разобраться, что именно кричит учитель, не мог понять, почему их любимый Михаил Кириллович громко ругается и разбивает стекла. И на душе было тяжело.

Потом пришел милиционер и увел Михаила Кирилловича.

— Что теперь с ним будет? — чуть ли не шепотом спросила мама. Отец лишь горько махнул рукой.

А Игорь долго не мог заснуть. Он ворочался в нагретой постели и видел в полудреме то сидящую на скамейке немецкую девочку с развязавшимся бантом и ссадинами на коленках, то мраморного рыцаря, то себя с кусочком мрамора в руках. Но мрамор это Игорь уже не нравился, он больше не хотел с ним играть.

4

На демонстрацию их не взяли. Накануне Первомая все ждали, когда же им скажут, к которому часу надо прийти в школу, чтобы в общей колонне двинуться на праздник, но о них словно забыли. Лишь на последнем уроке в класс вошел завуч и объявил, что принято решение: на демонстрацию пойдут только старшеклассники, притом исключительно комсомольцы. Расстроился, конечно, Игорь, но что поделаешь... Он все равно пошел на демонстрацию. Вместе с отцом, в колонне его завода. Каждый работник нес что-то праздничное: кто флаг на длинном древке, кто сделанные из бумаги цветы, кто транспарант. Отцу Игоря вручили вырезанный из фанеры и красиво раскрашенный главный символ праздника — серп и молот. Игорь взялся было нести сам, но конструкция оказалась тяжеловатой, и ее нес папа, а Игорь шел рядом и время от времени поглядывал вверх. У фанерного молота были черная головка с белыми полосками, от чего она казалась объемной, и желтая ручка. Игорь говорил себе, что этот молот совсем не похож на их молотки.

А когда после первомайских праздников ребята пришли в школу, Михаила Кирилловича там не увидели. А во дворе не было видно и жены учителя — комнату в ведомственной квартире пришлось освободить. Отсутствовала в школе какое-то время и Вера Юрьевна. Шептались по углам, что ее несколько раз куда-то вызывали. Но вскоре она появилась. Она почти совсем перестала улыбаться, еще тверже прежнего ставила ноги, от чего левая щека противно тряслась. А потом начались каникулы. После каникул мальчишки увидели нового учителя труда. Про Михаила Кирилловича говорили, что теперь он совсем в другом месте. Работает. Ведь он был очень хорошим механиком.

Игорь Семенович с трудом разжал веки. Девочка исчезла. Но в этот раз, показалось ему, она, уходя, еле заметно улыбнулась.